

«Не Иосифов ли
это сын?..»

Часть 1

Рождение Иисуса согласно Евангелиям

Неожиданная находка

В 1892 году две сестры – благородные дамы из Кембриджа, путешественницы, знатоки древних языков и искательницы рукописных сокровищ – Агнес Смит Льюис и Маргарет Данлоп Гибсон обнаружили в монастыре Св. Екатерины на Синае раннюю рукопись Четверо-евангелия на арамейском языке. Исследователи относят эту рукопись к IV веку. В отличие от общеизвестного греческого текста, найденный манускрипт содержит необычный вариант стиха Матф. 1, 16:

...Иосиф, с которым была обручена дева Мария, родил Иисуса, называемого Христом.

Сравним с текстом каноническим:

...Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос. (*Матф. 1, 16*)

Таким образом, приведенный арамейский фрагмент может пониматься как утверждение о том, что Иосиф является физическим отцом Иисуса Христа! Немудрено, что Агнес Смит Льюис, которая продолжила изучение рукописи, прочитав приведенный вариант стиха, была необычайно изумлена и даже крайне огорчена тем, что нашла такой «источник ереси», ведь она была глубоко верующей христианкой, прихожанкой Англиканской церкви.

Сведения о вновь найденном тексте широко распространились в печати, им занялись специалисты. Дело в том, что этот текст мог оказаться ближе к семитскому (древнееврейскому или арамейскому) оригиналу, нежели греческий перевод. При этом следует иметь в виду и возраст рассматриваемого манускрипта: он является одним из древнейших среди сохранившихся новозаветных рукописей.

Через некоторое время сама Агнес Смит Льюис присоединилась к мнению тех исследователей, которые предложили понимать приведенный вариант стиха в русле издавна сложившейся церковной традиции – как указание не на физическое отцовство Иосифа, а на «отцовство духовное». Эта точка зрения подразумевает наследование Иисусом всей предыдущей библейской истории благодаря символической генеалогии, связыва-

ющей его с Иосифом. Приняв упомянутую точку зрения, благородная дама-первооткрывательница манускрипта успокоилась, восстановив душевное равновесие. Ведь дальнейший текст Евангелия в данной рукописи, как и во всех традиционных текстах, гласил:

Рожество Иисуса Христа было так: по обручении матери его Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого. (*Матф. 1, 18*)

Казалось бы, традиционное понимание текста Матф. 1, 16 и в нашем манускрипте полностью подтверждается приведенным стихом. Однако же именно то, что «успокоило совесть» глубоко верующей англичанки, вызывает неизбежный вопрос у непредубежденного исследователя – как же могли и переписчик текста, и его читатели совмещать в своем сознании два взаимно противоречивых утверждения:

- 1 – физическим отцом Иисуса был Иосиф (Матф. 1, 16);
- 2 – Иисус был рожден от Святого Духа (Матф. 1, 18).

Ответу на этот вопрос мы и посвятим дальнейшие рассуждения.

Праведность Иосифа

Одно из традиционно принятых именовании Иосифа, мужа Марии, – Иосиф Праведный. Ведь после сообщения:

...Оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого. (*Матф. 1, 18*),

текст Евангелия продолжается так:

Иосиф же, муж ее, будучи праведен и не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее. (*Матф. 1, 19*)

Попытаемся понять связь и смысл событий. В чем состояла праведность Иосифа? Греческое слово *δίκαιος* *<д́икайос>* – перевод древнееврейского *צַדִּיק* *<цад́ик>*, «праведник», и обычно обозначает человека, полностью соблюдающего заповеди Закона Божьего (Торы). В данном случае, при обнаружении «незаконной беременности» обрученной ему женщины, Иосиф должен был бы поступить согласно следующей заповеди:

Если будет молодая девица обручена мужу и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею,
То обоих их приведите к воротам того города и побейте их камнями до смерти: отроковицу за то, что

она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; и *так* истреби зло из среды себя. (Втор. 22, 23–24)

Из процитированных слов Торы мы видим, что по отношению к прелюбодеянию обручение (традиционный добрачный договор между женихом и невестой) было приравнено к браку. Измена обрученной женщины каралась так же, как измена вступившей в брак. Согласно древней традиции, от обручения до бракосочетания проходило обычно не менее года, и поэтому беременность Марии должна была обнаружиться как раз в период между ее обручением и началом жизни в браке.

Итак, будучи праведным по Торе, Иосиф был обязан публично огласить положение Марии и предать ее еврейскому суду («малому Синедриону», действовавшему во всех местах с более-менее значительным еврейским населением на территории Иудеи). Почему же он так не поступил?

Дело в том, что существовало и иное представление о праведности. Считалось, что истинный праведник может в некоторых случаях и «превосходить меру суда», проявляя «преизбыток милосердия». Такое милосердие имело целью спасение жизни, здоровья, чести окружающих. Но если Иосиф являл именно такой вид праведности, то, не желая осуждения и смерти своей невесты, как должен был он себя повести? Допустим, он мог бы «покрыть грех» Марии, вступить с ней в брак

и назваться отцом младенца. Но это привело бы к появлению незаконнорожденного ребенка в благочестивом потомстве царя Давида, что противоречило Божьей заповеди, ведь незаконнорожденный, да и все его потомство, «не может войти в общество Господне»:

Сын блудницы не может войти в общество Господне, и десятое поколение его не может войти в общество Господне. (*Втор. 23, 2*)

Теперь рассмотрим последствия того шага, который, согласно традиционному пониманию текста, намеревался сделать Иосиф, прежде чем ему явился ангел Господень (Матф. 1, 20–24). Еще не зная о своей невесте, что

...Родившееся в ней есть от Духа Святого...
(*Матф. 1, 20*),

Иосиф собирался проявить «преизбыток милосердия» следующим образом:

...Не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее.
(*Матф. 1, 19*)

Однако «тайно отпустить» беременную женщину было возможно лишь на недолгое время: «тайна» быстро открылась бы, и женщина была бы действительно

спрошена, чьего ребенка она в себе носит. Соблюдающие Тору и нередко поименно знающие друг друга жители небольших галилейских поселений в любом случае постарались бы выведать, кто же отец ребенка, и Мария приобрела бы репутацию блудницы. Очевидно, что описанный поступок Иосифа в лучшем случае навлек бы на Марию неизгладимый позор и преследования, а в худшем – самосуд толпы, вплоть до побиения камнями (ср. Иоан. 8, 3–7). Трудно представить, что праведный Иосиф желал для Марии такой судьбы...

Итак, буквально воспринимая сообщение о «беременности Марии от Святого Духа», мы оказываемся в кругу очень трудных вопросов.

Значения слова «чрево» в Священном Писании

В первой главе Евангелия от Матфея о Марии сказано:

...Оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого. (*Матф. 1, 18*)

Об этом же говорится и далее – устами ангела:

...Ибо родившееся в ней есть от Духа Святого...
(*Матф. 1, 20*)

Исходя из формы, в которой излагается данное известие в обоих случаях, можно сделать вывод, что «иметь во чреве от Духа Святого» – состояние в те времена достаточно известное. Эти слова никак не комментируются, а значит, подразумевается, что данный образ читателям уже знаком. Такой вывод может показаться необычным: ведь согласно традиционному пониманию текста, речь идет о событии, уникальном во всей библейской, да и всемирной истории!

Ища пояснения, посмотрим, какие значения придаются слову «чрево» в Священном Писании.

Греческое слово γαστήρ *«гастэр»* – «чрево», «утроба» – соответствует древнееврейскому *לֶמֶעַ* *«меэ»* – «вну-

тренности», «недра», «нутро». Однако в Писании это слово может иметь не только буквальное значение, но и означать «внутреннего человека» – нашу душу, наш внутренний мир. Например:

...Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и Закон Твой у меня в сердце. (Пс. 39, 9)

– словом «сердце» передано древнееврейское *ׁוּבֶ* «*мэй*» – «чрево мое», «недра мои».

Даже «внутреннее состояние» Самого Всевышнего описывается пророком так:

Не дорогой ли у Меня сын Ефрем? не любимое ли дитя? ибо, как только заговорю о нем, всегда с любовью вспоминаю о нем; внутренность Моя возмущается за него; умилосержусь над ним, – говорит Господь. (Иер. 31, 20)

Здесь «внутренность Моя» – перевод все того же древнееврейского *מַאֵי* – «чрево мое».

Подобно этому и выражение из Книги Иова:

Мои внутренности кипят и не перестают...
(Иов. 30, 27),

также содержащее в оригинале слово *מַאֵי*, может быть понято только в переносном смысле: конечно, речь идет

о душевном волнении, о внутреннем переживании, а не о буквальном «кипении» физического чрева.

Дважды повторенная в Притчах Соломоновых сентенция:

Слова наушника — как лакомства, и они входят во внутренность чрева. (*Прит. 18, 8 и 26, 22*)

— тоже, конечно, имеет переносный смысл, ведь «слова наушника» входят не в физическое «чрево», но в душу, во внутренний мир человека. Заметим, что в последних двух случаях употреблено уже другое древнееврейское выражение: כַּחֲרָיִם בָּטֵן «*хадрэй-ватен*», буквально «комнаты утробы».

То же слово בָּטֵן «*бэтен*» (в предыдущем примере в форме *ватен*) — «чрево», «нутро» — употреблено в речи Елифаза из Книги Иова:

...Станет ли мудрый отвечать знанием пустым и наполнять чрево свое ветром палящим,

Оправдываться словами бесполезными и речью, не имеющею никакой силы? (*Иов. 15, 2–3*)

Понятно, что и здесь под «чревом» подразумевается внутренний мир человека, душа, в которой возгорается гнев («ветер палящий»).

Еще одно древнееврейское слово, применяемое в значении «чрево», «внутренности», — קָרֶב «*кэрев*» (может

быть, родственное русскому «чрево»). Это слово также употребляется иногда в переносном смысле, означая «внутреннюю жизнь»:

Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. (Пс. 50, 12)

«Внутри меня» – в оригинале בקרבי *«бэ-кирби»*, что буквально означает «во чреве моем».

Также и в другом псалме:

Изыскивают неправду, делают расследование за расследованием даже до внутренней жизни человека и до глубины сердца. (Пс. 63, 7)

«До внутренней жизни» – так переведено словосочетание וקרבי אישי *«вэ-кэрев иши»* – «и чрево человека».

Слово *кэрев* употребляется и в параллель к *мэй* – в значении «чрево», «утроба»:

Оттого внутренность моя стонет о Моаве, как гусли, и сердце мое – о Кирхарешете. (Ис. 16, 11)

Здесь «внутренность моя» – *мэй*, а выражением «сердце мое» переведено *кирби* (притяжательная форма от *кэрев*).

Слово *кэрев* может использоваться и в значении «мысль», «убеждение», внутренне присущие человеку:

В мыслях у них, что дома их вечны и что жилища их в род и род, и земли свои они называют своими именами. (Пс. 48, 12)

«В мыслях» – так передано слово оригинала כִּרְבָם «кирбám», буквально «внутренности их», «утробы их».

Кэрев, «чрево», может употребляться и в параллель к слову «душа»:

Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя – святое имя Его. (Пс. 102, 1)

В оригинале множественное число: כָּל־כִּרְבֵי «коль кэравáй», «все внутренности мои». Разумеется, и здесь имеется в виду не физиологическое «чрево», но внутренний мир человека, конкретно – восторженное состояние его души.

Не обладая оригиналом Евангелия от Матфея на древнееврейском языке, мы не можем с точностью сказать, какое именно из перечисленных выше слов передано в греческом тексте как γαστήρ «гастэр» – «чрево». Но, как мы видели, каждое древнееврейское слово с подобным значением может подразумевать также и «внутреннего человека» – мир мыслей, чувств, желаний.

«ПОТОКИ ВОДЫ ЖИВОЙ»

Как мы упомянули выше, оба сообщения о том, что Мария «имеет во чреве от Духа Святого» (Матф. 1, 18 и 20), адресованы тем, кто на основе Священного Писания хорошо понимал, о чем идет речь.

Например, о связи понятий о Духе Святом и о «чреве» (в значении «внутреннего мира») говорит следующий новозаветный текст:

В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко мне и пей.

Кто верует в меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой.

Сие сказал он о Духе, Которого имели принять верующие в него: ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен.

(Иоан. 7, 37–39)

Описанное событие происходило в праздник Кущей – ср. Иоан. 7, 2–14. «Последний великий день праздника» – это день восьмой, традиционно именуемый Шмини Ацерет – «восьмой заключительный» (см. Лев. 23, 39–43).

В праздник Кущей в иерусалимском Храме происходило традиционное возлияние воды на алтарь Госпо-

день. Воду в золотых и серебряных кувшинах приносили юноши и девушки, черпая ее из источника Силоам близ Иерусалима и передавая первосвященнику для возлияния на жертвенник. Эта вода символизировала «излияние души» всего народа пред Господом:

Народ! надейтесь на Него во всякое время; изливайте пред Ним сердце ваше: Бог нам прибежище. (Пс. 61, 9)

Этой традиционно изливаемой на алтарь воде Иисус уподобляет благодать Святого Духа, которая «потечет из чрева» верующих в него. Конечно, имеется ввиду обитание Духа Святого во «внутреннем человеке». Подобный же образ «воды живой», символизирующей Дух Божий, Иисус употребляет и в беседе с самарянкой:

...Если бы ты знала дар Божий и кто говорит тебе: дай мне пить, то ты сама просила бы у него, и он дал бы тебе воду живую.

<...>

...Кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную. (Иоан. 4, 10–14)

Во время праздника Кущей Иисус возвещает, что «реки воды живой», то есть благодать Духа (выражающаяся,

очевидно, в особой радости, любви, а также проявляющаяся в молитве и проповеди) – у верующих «потекут из чрева» (Иоан, 7, 38). В данном случае использовано греческое слово κοιλία *койли́а* – «чрево», «живот», восходящее к одному из обозначений «чрева» в древнееврейском языке, о чем мы говорили выше. Таким образом, Дух Святой рассматривается как обитающий «во чреве», то есть «внутри» человека. И хотя на последователях Иисуса (вернее, «в них») «еще не было Духа» (там же, ст. 19), но представление о том, что в пророках и праведниках Дух Божий обитает как в своих жилищах, было свойственно библейскому мировоззрению с самых ранних времен.